

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

Пастырь добрый душу сесю полагаетъ за овцы. Иоан. 10, 11.

Внимай себя и учению: и пребывай въ нихъ: сія бо творя, и самъ спашешия и послушающіи тебе. 1 Тим. 4, 16.

№ 12.

1860.

Мая 17-го.

Содержаніе: Поученіе о непрестанной молитвѣ. — Поврежденіе церковной обрядности и религіозныхъ обычаевъ въ южно-русской митрополіи, въ періодъ предшествовавшей открытому введенію въ ней уни.— Обѣты трезвости.

ПОУЧЕНІЕ

О НЕПРЕСТАННОЙ МОЛИТВѢ.

Братія мои! Въ писаніи Божіемъ есть заповѣдь непрестанно молиться: *непрестанно молитесь*, говоритъ оно (1 Сол. 5, 17).

Вы, конечно, скажете на это: намъ некогда молиться, мы постоянно заняты работою, все намъ недосугъ страшный, да и можно ли молиться во время работы, если, по пословицѣ, два дѣла разомъ нельзя взять въ руки; послѣ работы, уставши, тоже нужно и отдохнуть; — когда же работать, когда же и отдыхать, если все молиться?

Слушайте! — я объясню вамъ это однимъ случаемъ изъ житія св. Аввы Лукія. „Къ нему однажды пришли монахи изъ такъ называемыхъ Евхитовъ. Старецъ спро-

силъ ихъ: какое у васъ руководѣлье?—Мы не занимаемся руководѣльемъ, отвѣчали они, но, по заповѣди апостольской, не-престанно молимся. Ужели вы и не ѣдите?—спросилъ старецъ. Ъдимъ,—отвѣчали они Кто же молится за васъ тогда, какъ вы ѣдите? — сказалъ имъ авва... Еще спросилъ ихъ: вы и не спите? — сказалъ старецъ. Монахи не нашлись, что отвѣчать на это. Тогда старецъ отвѣчалъ имъ: простите миѣ, вы не дѣлаете, какъ говорите. А я вамъ покажу, что, и занимаясь своимъ руководѣльемъ, не-престанно молюсь. Размочивъ не много прутьевъ, съ Богомъ сажусь я и плету изъ нихъ веревку, а между тѣмъ читаю: *помилуй мя, Боже, по величій милости твоей и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое* (Псал. 50, 1—3). Не молитва ли это?—спросилъ старецъ. Молитва,—отвѣчали монахи. Старецъ продолжалъ: прове я цѣлый день въ работѣ и молитвѣ, я зарабатываю около шестнадцати монетъ. Двѣ изъ нихъ подаю за дверь, а остальные употребляю на пищу. Кто приметъ отъ меня двѣ монеты, молится за меня, когда ѣмъ я, или сплю; и такимъ образомъ, по милости Божіей, исполняю непре-статную молитву (1).

Вотъ вамъ, братія мои, наставленіе, какъ можно не-престанно молиться, какъ можно постоянно быть за дѣломъ и никогда не оставлять себя безъ молитвы. Творите про себя молитву, имѣйте въ умѣ своемъ Бога, призывайте Его на помощь, когда бываете за работой, когда дѣлаете что либо: это не помѣшаетъ вашему дѣлу, а ускоритъ его. Потомъ, отъ праведныхъ трудовъ своихъ удѣляйте бѣднымъ, сиротамъ, убогимъ, вдовамъ несчастнымъ, калѣкамъ безпристаннымъ; и — они будутъ молить за васъ Бога и

(1) См. достопамят. сказанія о подвижничествѣ свят. и блажен. Отцевъ.

своею молитвою восполнять то время, въ которое вамъ самимъ нельзя молиться.

Господи! научи насъ творить волю Твою, научи насъ молиться, какъ молятся Тебѣ святые угодники Твои! Аминь.

Священникъ *Николай Бурдуковъ*.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ОБРЯДНОСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ ВЪ ЮЖНО-РУССКОЙ МИТРОПОЛИ, ВЪ ПЕРІОДЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШІЙ ОТКРЫТОМУ ВВЕДЕНІЮ ВЪ НЕЙ УНИИ.

Въ концѣ XVI в., въ православной южно-русской церкви весьма примѣтнымъ становится значительное поврежденіе церковной обрядности и религіозныхъ обычаевъ. Поврежденіе это началось гораздо прежде указаннаго времени, совершалось подѣ влияніемъ различныхъ условий, заключавшихся единственно во внѣшнемъ ея положеніи, усилилось особенно къ концу XVI в., подѣ влияніемъ политики Рима и Варшавы, дѣйствовавшей въ пользу униі, и послужило приготовленіемъ и проводникомъ для униі.

Мрачными чертами изображаетъ состояніе южно-русской церкви, въ концѣ XVI в., знаменитый поборникъ православія, князь Константинъ Острожскій. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ въ 1593 году въ письмѣ своемъ къ Ипатію Поцею, епископу владимірскому и брестскому: „извѣстно всѣмъ вашимъ милостямъ (т. е. епископамъ), „что многіе изъ исповѣдующихъ религію нашу унизили

„себя, и содѣлались столько лѣпными, строптивыми и
 „равнодушными къ богослуженію и обрядамъ, что не только
 „пренебрегаютъ своими христіанскими обязанностями, и
 „не ополчались за церковь Божию, за свою вѣру древнюю,
 „но еще сами, посмѣваясь ей и оставляя ее, пристають
 „къ различнымъ сектамъ... Такое нерадѣніе, стропливость
 „и оступленіе отъ вѣры произошло наиболѣе отъ того,
 „что въ нашей землѣ не стало учителей и проповѣдниковъ
 „слова Божія, нѣтъ образованія, прекратилась живая про-
 „повѣдь, а за симъ наступило обнищаніе и уменьшеніе
 „славы Божіей въ церкви, наступилъ гладъ слышанія слова
 „Божія, явилось за тѣмъ отступленіе многихъ отъ вѣры и
 „закона... Наконецъ наступило для насъ то, что въ законѣ
 „своемъ мы не находимъ ни малѣйшей вещи, которою могли
 „бы утѣшать себя. О, кто дастъ главамъ нашимъ воду,
 „и очамъ нашимъ источникъ слезъ, дабы день и ночь мы
 „могли плакать объ упадкѣ и обнищаніи вѣры и закона
 „нашего! Со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда..!“

(¹) Эта скорбь давно уже, и прежде знаменитаго поборника православія, обнимала сердца благочестивыхъ чадъ церкви: ее громко выражало православное дворянство и многіе изъ низшаго класса народа въ своихъ жалобахъ на церковные безпорядки (²). Она руководила греческихъ патріарховъ Іоакима и Іеремію въ строгихъ обличеніяхъ и наказаніяхъ, во время перваго обозрѣнія ими южно-русской церкви

(¹) Акты Зап. Р. Т. 4, № 45.

(²) Тамъ же Т. 3, № 4. Королевская грамота митр. Макарію, по жалобѣ литовско-русскаго дворянства на безпорядки въ церковныхъ обычаяхъ — Т. 3, № 146. „Посланіе галицко-русскаго дворянства кiev. митр. Олясифору съ жалобою на тѣ же безпорядки. — Лѣт. лѣв. братства, стр. 46 и 47. Протестъ лѣв. братства противъ опредѣленій брестскаго собора (1595 г.)

(¹). Она служила побужденіемъ къ созванію соборовъ, на которыхъ пастыри церкви еще ближе узнавали „великое разногласіе церковныхъ дѣйствій“ (²). Что же было причиною такого поврежденія церковной обрядности?

Политическое неустройство юго-западной Россіи, которая, послѣ удѣльнаго раздробленія и погрома татарскаго, не скоро пришла къ единству и по частямъ присоединяема была то къ Польшѣ, то къ Литвѣ, недостатокъ въ ней просвѣщенія и отдаленность ея отъ верховной власти церковной, находившейся въ Константинополѣ, были не благоприятны для нея и въ отношеніи къ церковной обрядности, еще неуспѣвшей вполне организовать и проникнуть народное сознаніе. Недостатокъ образованія въ православныхъ обитателяхъ югозападной Россіи заставлялъ ихъ довольствоваться въ дѣлѣ религіи тѣмъ, что было готоваго въ церкви и съ безразличнымъ благоговѣніемъ взирать на старину, и кидаться на бродящую, легко дающуюся новизну. Со стороны константинопольскихъ патріарховъ, до конца XVI в., не было постоянного бдительнаго надзора надъ тѣмъ, что совершалось въ подчиненной имъ по дѣламъ вѣры южно-русской митрополіи. Между тѣмъ, по самому политическому положенію своему, она испытывала постоянное и притомъ весьма сильное вліяніе церкви римской и католической державы Польши. Вліяніе послѣдней особенно отразилось на іерархи-

(¹) Акты Зап. Р. Т. 4, № 25. Обличительная грамота патр. Іереміи на нѣкоторые обычаи южно-русской церкви. Объ Іоакимѣ лѣт. лѣв. бр. стр. 16. См. такъ же ист. рус. цер. Ч. 4, стр. 94 и 95.

(²) Ист. рус. цер. Ч. 3, стр. 27 и 28. О соборѣ 1590 г. см. предисловіе къ стрягн. требнику въ Москвитян. 1844 г., № 8, гдѣ говорится между прочимъ: „многое отъ нихъ (т. е. правосл. епископовъ) изысканіе и смотрѣніе о великомъ разногласіи дѣйствій церковныхъ бысть.“

ческомъ порядкѣ въ южно-русской церкви; происки же и насилія папскія приняли въ юго-западной Россіи огромныя размѣры, потому что здѣсь стремленіе Рима къ подчиненію своей власти православной церкви нашло для себя надежное орудіе въ намѣреніи Польши слить народность русскую съ польскою, или лучше—уничтожить первую въ пользу послѣдней. Всѣ исчисленныя нами причины, въ соединеніи съ нѣкоторыми случайными обстоятельствами, произвели значительное поврежденіе въ обрядности южно-русской церкви; но въ ряду ихъ двѣ послѣднія могутъ считаться главными и особенно важными. — Посмотримъ, какъ подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ, происходило въ рассматриваемый нами періодъ поврежденіе обрядности въ южно-русской церкви и въ чемъ именно обнаруживалось это поврежденіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что правильный іерархическій порядокъ въ церкви есть первое условіе единства и порядка въ обрядности ея. Но въ южно-русской церкви іерархическій порядокъ въ рассматриваемый нами періодъ былъ крайне разстроены такъ называемымъ „правомъ подаванья“ (*jus patronatus*) и раздачею церковныхъ должностей свѣтскою властію, по ея усмотрѣнію (*jus investiturae*). Грамоты королей свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ на владѣніе монастырями и частными церквами предоставляли владѣтелямъ право не только пользоваться всеми доходами съ монастырскихъ и церковныхъ земель и сель, но и „управлять дѣлами церковными, по обычаю и постановленіямъ греческой религіи,“ въ независимости отъ суда епископскаго. Съ такими же правами давались епископскія кафедры епископамъ, монастыри игуменамъ, приходы священникамъ, церкви братствамъ (').

(') *Jus patronatus*: Ак. З. Р. Т. 1. № № 140, 212; Т. II.

Иерархія лишена была такимъ образомъ всеобщей подчиненности и строгаго порядка: образовалось множество самостоятельныхъ управленій; патроны монастырей и церковей дѣйствовали внѣ общихъ нуждъ церкви, по личнымъ убѣжденіямъ и расчетамъ. Власть митрополита стояла въ тѣни; епископы въ своихъ собственныхъ епархіяхъ не имѣли права и власти надъ частными управленіями (1); епископскія каѳедры, надѣленные обширными и

№ 170; Т. III. № № 53, 79; т. IV. № № 8, 10, 107; Памят. Кіев. Ком. Т. I. Отд. 2. № 6. — *Jus investiturae* Ак. З. Р. Т. I. № № 14, 117, 141, Т. II. № № 9, 12, 15, 19, 23. — Начало „подаванья“ находится въ благочестивомъ обыкновеніи князей русскихъ—устроить въ своихъ имѣніяхъ монастыри и церкви и имѣть ихъ въ своемъ попеченіи. Подаванье имѣло, повидимому, то же значеніе; иногда оно обязывало владѣльцевъ извѣстную церковь или монастырь „всякими рѣчьми надавати и направляти, и ее въ „подаваньи и въ оборонѣ своей мѣти.“ Но а) грамоты на владѣніе монастырями и церквами съ означеннымъ условіемъ рѣдки, б) условіе это было только ограниченіемъ корыстолюбія владѣльцевъ, прямою же цѣлью „подаванья“ было благо не монастыря или церкви, а того лица, которому вручались они,—вручались съ полными правами владѣльца имѣнія. Часто эти владѣльцы передавали ихъ отъ себя другимъ лицамъ, духовнымъ или свѣтскимъ, въ пожизненное владѣніе, на такихъ же правахъ, на какихъ сами владѣли (Ак. З. Р. Т. 4, № № 15, 147); или же отдавали подъ залогъ другимъ владѣльцамъ, какъ свое имущество, съ правами „не только „пользоваться доходами монастыря, но и управлять имъ, судить и ридить въ немъ“ (Памят. Кіев. Ком. Т. I. Отд. 2. отдача монастыря Честнаго Креста въ залогъ пану Иваницкому, стр. 53). Эти послѣднія лица могли съ тѣми же правами отдавать монастыри и церкви подъ залогъ своимъ кредиторамъ (тамъ же стр. 57), и т. д. Такимъ путемъ церкви и монастыри переходили иногда во владѣнія евреевъ, съ вѣдома и соизволенія митрополита (Ак. З. Р. Т. 3. № 146. посланіе галицко-русскаго дворянства къ митр. Овисифору). — *Jus investiturae* наружно прикрывалось тѣмъ, что епископіи, монастыри и церкви надѣлены были еще отъ русскихъ князей, вмѣсто жалованья, недвижимымъ имуществомъ, которое составляло собственность государства и короля.

(1) Замѣчательнъ въ семъ отношеніи споръ львовскаго братства съ львовскимъ же епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, искавшимъ ограниченія частныхъ правъ въ пользу іерархіи. Лѣт. львов. братства стр. 15—57.

бсгатыми помѣстьями бывали предметомъ не только соисканій, но и купли, отъ того на одной и той же кафедрѣ епископской являлись иногда по два и по три епископа въ одно и то же время, спорили и даже воевали другъ съ другомъ, разоряли и разграбляли церковныя имуществва, доускали и сами производили безчиніе въ духовныхъ дѣлахъ своихъ епархій (¹). Соборъ 1509 г., имѣя въ виду зло, причиненное такимъ безпорядкомъ, сильно возставалъ противъ злоупотребленій королевской власти, однако невидимъ и слѣдовъ благихъ распоряженій его (²). При такомъ положеніи дѣлъ іерархическихъ, рушился и порядокъ въ церковной обрядности. Общее отношеніе частныхъ управленій къ обрядности характеризуетъ слѣдующее правило луцкаго братства, устроеннаго по примѣру львовскаго и другихъ „Что касается благочинія церковнаго, то во всемъ должно приспособляться къ церковнымъ уставамъ св. отцевъ, давнимъ обычаямъ сего мѣста и къ старожитности всей русской церкви. А если бы слѣдовало что либо *исключить, придать, или замѣнить*, то игумень, собравши всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, долженъ имъ о томъ предложить, представивъ въ оправданіе той отмѣны удовлетворительные и неопровержимые доводы. Тогда все, что не будетъ противно св. Духу и разсудку, безпрекословно дозволится; а если иначе, то по справедливости воспретится“ (³). Опытъ

(¹) См. Архивъ югозап. Россіи. Кіевъ 1859 г., содерж. актовъ 1-го т.—Ак. 3. Р. Т. III. № 146.—Журн. ми. нар. просвѣщ. за 1859 г., м. май, стр. 83.

(²) Правила сего собора въ прибавленіи къ описанію к. соф. собора, стр. 40—48.

(³) Пам. кіев. ком. Т. I, отд. 8. постановленіе обл. общеч. жительство въ братствѣ луцкомъ. Слич. грам. патр. Іоакима львов. братству въ Пам. кіев. ком. Т. 3. № 1-й. Грамоты патр. Іереміи

сего права показали (1592 г. окт. 26 д.) священники вилецкаго братства, самоправно измѣнивъ нѣкоторые церковныя обычаи при крещеніи и вѣнчаніи. Когда намѣстникъ митрополичій потребовалъ ихъ за это къ суду, то они отвѣчали ему: „мы есмь священники братскіе, и не подручны подъ справу вашей милости, отецъ протопопъ!“, „потому что мы священники братскіе, имѣемъ старшихъ своихъ, ихъ милостей пановъ братью, и должны повиноваться имъ, а не кому нибудь другому“, — и совершили обряды, какъ разсудили (1). Какъ въ это время, такъ и гораздо прежде многіе приходскіе священники произвольно расторгли законныя и совершали не законныя браки, вѣнчая мужа съ другою женою, при жизни первой и даже второй, и сами вступали во второй и даже третій бракъ (2); въ случаѣ же ссоры съ своимъ епископомъ, отдавались съ своими приходами подъ власть и защиту частныхъ управленій, братствъ, даже свѣтскихъ лицъ, и не поминали своего епископа при богослуженіи (3). Нерѣдко свѣтскія лица присвоивали себѣ право суда надъ духовенствомъ, жившимъ въ ихъ владѣніяхъ, вмѣшивались въ дѣла церковныя, особенно по дѣламъ браковъ (4). Простирали свое вліяніе на южно-русскую церковь

тамъ же № № 2, 3, 4, 5.— Грамота митр. Михаила Рагозы № 6. Уставъ Льв. братства въ Чт. моск. общ. вст. и др. 1848. г. № 6.

(1) Акт. Зап. Р. Т. 4. № 41. Отступленіе отъ прежнихъ обычаевъ при вѣнчаніи состояло въ приказаніи жениху и невѣстѣ исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ предъ бракомъ; при крещеніи — неизвѣстно.

(2) Обличительныя грамоты объ этомъ патр. Іереміи: Ак. запад. Р. Т. IV. № № 17, 47. Грамота Гедеопа Балабана — тамъ же № 29.

(3) Лѣт. льв. брат. стр. 26. Арх. югозапад. Россіи т. I, стр. XI, III, примѣч. 4-е и текстъ къ нему.

(4) Жалобы духовенства на вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ управленіе церковное начались весьма рано; по поводу ихъ появилось много запретительныхъ грамотъ отъ королей польскихъ, князей литовскихъ, воеводъ и старостъ югозападно-русскихъ. За-

и греческіе епископы, странствовавшіе по Молдавіи и Валахіи, рукополагая представляемыхъ братствами кандидатовъ, которыхъ не хотѣлъ рукополагать мѣстный епископъ, часто по ихъ недостойнству (¹). Многіе же бѣглецы греческіе, часто не имѣвшіе никакого сана священнаго, приходя въ южную Россію съ подложными грамотами отъ патріарховъ греческихъ, и титулуя себя митрополитами, епископами, архимандритами, священниками, запрещали и изымали, что хотѣли, не сносаясь ни съ митрополитомъ кievскимъ, ни съ мѣстнымъ епископомъ, пользуясь въ этомъ случаѣ безусловнымъ уваженіемъ русскаго народа къ авторитету греко-восточной церкви, какъ матери церкви русской, и къ константинопольскому патріарху, какъ попечителю и хранителю православія на Руси (²). Сколько разностей въ обрядахъ должно было произойти отъ такого неустройства и многоначалія въ іерархіи! Былъ случай, что въ одномъ и томъ же храмѣ въ одинъ и тотъ же день, одинъ священникъ совершалъ таинство брака „съ новыми пев-
„выклыми церемоніями,“ другой „по старому обычаю.“ (³)

Еще болѣе вреда причинила обрядности такъ называемая *инвеститура*, или раздача духовныхъ должностей свѣтскою властію. Въ епископы и пастоятели монастырей, по волѣ королей, назначаемы были большею частію лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, единственно въ награду за вѣрныя услуги королю и рѣчи посполитой. Эти лица, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей, не знакомыя даже съ духовною

мѣстательнѣйшія изъ сихъ грамотъ въ Ак. З. Р. Т. III № 20-й; Т. IV, № № 30 и 31.

(¹) Chronika miasta Lwowa, pag. 85.

(²) Ак. Зап. Р. Т. 4. № 20. Грамата патр. Іереміи, которою обличаются и воспрещаются греческому духовенству такіе поступки.

(³) См. выше стр. 291, примѣч. 1-е.

наукою, въ высокомъ санѣ видѣли только средство къ удовлетворенію прежде нажитымъ наклонностямъ, такъ какъ онѣ дѣлали ихъ владыками обширныхъ имѣній. Имѣя собственные замки, гайдуковъ, войско, они стыдились отставать отъ магнатовъ въ удовольствіяхъ, и проводили время на охотѣ, шумныхъ банкетахъ, а часто въ пѣздахъ на сосѣднія владѣнія—съ пушками и гаковницами. Нѣкоторые, получивъ епархію, оставались по пяти и болѣе лѣтъ въ *свѣтскомъ станѣ*, управляя всѣми дѣлами своей епархіи. (¹). Подобнымъ образомъ раздавались и приходы священникамъ. Ихъ получали большею частію дворовые люди помѣщика, въ награду за вѣрную службу своему пану (²). Въ виду имѣлось здѣсь какъ тѣмъ, такъ и другими только матеріальное значеніе приходовъ, сторона религіозная чужда была панамъ папистамъ въ этотъ вѣкъ преслѣдованій православія и русской народности, невѣдома была и самимъ кандидатамъ священства, едва умѣвшимъ только грамотѣ. Отъ общаго духа не могли уклониться и остальные священники, избираемые изъ среды самихъ прихожанъ или изъ поповичей, потому что тѣ и другіе едва знали грамоту церковную, и не могли узнать значеніе своей службы и смысла богослуженія, по недостатку училищъ для этой цѣли. Даже братства, возникшія съ цѣлю исправлять безпорядки церковные, мало заботились о богослуженіи и обрядахъ

(¹) Печальное состояніе нравственности тогдашняго русскаго духовенства описывается въ рѣзкихъ чертахъ самими же русскими. Ак. З. Р. Т. III, № № 3 и 46. Т. IV, № 45. Лѣт. лѣв. брат., стр. 46 и 47. Слич. Архивъ югозап. Р. Т. I, ч. 1. стр. XVII. Грамоты королевскія свѣтскимъ лицамъ на епископскія и настоятельскія кафедръ, съ тѣмъ, чтобы они предварительно вступили въ монашество: Ак. З. Р. Т. IV, № 19; т. 1, № № 117, 141 и др.

(²) Одинъ изъ польскихъ магнатовъ успѣлъ возвести даже на епископскую кафедру своего двороваго человѣка, Ак. З. Р. Т. 3. № 146.

церковныхъ, и старались преимущественно объ увеличеніи матеріальнаго довольства общины, какъ средства къ независимому положенію въ іерархіи и гражданскомъ управленіи (¹) Повсюду обѣты монашества были поруганы, святость таинства брака оскорблена, узаконенія церковныя явно были осмѣиваемы, богослуженіе и обряды обратились въ предметъ торгашества и въ средство къ разгульной жизни. Простой народъ оставался при одной наружной сторонѣ религіозныхъ обрядовъ, не получая отъ нихъ силы, оживляющей духовную жизнь вѣрующихъ. Естественная потребность этой силы, внутренняя необходимость опереться на чемъ нибудь въ духовной жизни, по необходимости, искала другихъ путей къ удовлетворенію себя, и бросалась на всѣ ходячіе, легко достаемые способы къ этому. Народъ довѣрчиво обращался съ своими духовными нуждами къ ворожеямъ, гадалеямъ и волшебникамъ, а невѣжественные священники не только не могли уничтожить, или ограничить эту довѣрчивость, но и сами иногда прибѣгали къ помощи ремесла сего (²). Быстро такимъ образомъ расходились по рукамъ и заучивались письменныя изложенія религіозныхъ предметовъ, основанныя на искаженныхъ расказахъ, и облеченныя суевѣрнымъ воображеніемъ въ грубый драматизмъ, каковыя *сказаніе о пятниццахъ, похорожденіе Богородицы по вѣчныхъ мукахъ, таблица составленная великимъ Албертомъ о дняхъ, въ которые не должно предпринимать ничего важнаго*, и проч.

(¹) Лѣт. Льв. бр. стр. 9 и 10. Слѣд. предисловіе къ треб. Петра Могилы стр. 3-я. Его же призывная грамота на соборъ 1640 г. Пам. к. к. Т. 1, 151.

(²) Памят. кiev. ком. Т. III. грамота патр. Іоакима льв. братству, прав. 37 и 38.

(1). Этотъ духъ вѣры въ избавленіе отъ всякихъ бѣдствій посредствомъ механическаго чтенія и ношенія при себѣ списковъ, распространился и на домашнее употребленіе древнихъ церковныхъ молитвъ, вѣрные списки которыхъ недоступны были для простонародья. Всѣ такіе списки, обставленные разными предписаніями, большинствомъ хранились какъ талисманы, вызывая полное довѣріе къ наставленіямъ, въ нихъ заключавшимся (2). На мѣсто принятыхъ церковію обычаевъ невѣжество выдумывало обычаи суевѣрные, или же и прямо противные истинному ученію церкви. Изъ такихъ обычаевъ повсюдными и сильно вкоренившимися въ южной Россіи были слѣдующіе: *празднованіе пятницы, праздникъ въ честь полога Богоматери, совершавшійся въ день собора ея (26 Декаб.), и друг.* (3). Явились молитвословія и цѣлыя чины, которымъ присвоили силу излѣчивать нѣкоторыя болѣзни, уничтожать губительныя дѣйствія стихій и проч., подобно тому, какъ присвоили эту же силу такъ называемымъ шеп-

(1) Ист. Р. Ц. Т. 2, стр. 60. Сборники этихъ сказаній до сихъ поръ ходятъ въ народѣ.

(2) Болѣе общее внушеніе при такихъ спискахъ, въ дошедшихъ до насъ сборникахъ, есть слѣд: „аще который человекъ котораго дня прочитаетъ молитву сію (или сказаніе сіе), того дня не прикоснется къ нему діаволь, ни злой духъ, и аще который человекъ преставится отъ житія сего дня, то адъ душу его не прийметъ.“

(3) Ак. Зап. Р. Т. 4. № 22. Грамота патр. Іеремія, въ которой обличаются эти обычаи.— Іеремія говоритъ въ ней, что, кромѣ сихъ обычаевъ, онъ нашелъ въ южно-русской обрядности и „иныя безмѣстія.“ Патр. Іоакимъ, посѣщавшій южную Русь въ 1586 году, нашелъ въ ней много обычаевъ, несогласныхъ съ обычаями церкви восточной (Лѣт. лѣв. брат. стр. 16), и между прочимъ осуждалъ *освященіе пасхи*.

Въ грамотѣ Іеремія говорится, что народъ празднуетъ день пятницы, поставляя воскресенье въ рядъ обыкновенныхъ дней. Въ уставѣ могилевскаго братства (Могил. губ. Вѣд. 1851 г. № 10.) есть такое правило: „въ каждую пятницу, послѣ ранней службы, „отправлять въ церкви молебень, и просить Господа Бога за госу-

таніямъ, заговариваніямъ и заклинаніямъ (1). Другіе обычаи, только допускаемые въ церкви, и неимѣющіе значенія положительныхъ церковныхъ дѣйствій, преступали должныя границы, и принимали чинъ и значеніе обрядовъ

„даря короля, за господъ судей, за рыцарство и за всѣхъ христіанъ. И такъ празднованіе сіе состояло въ томъ же, въ чемъ состоитъ и празднованіе дня воскреснаго — по наружности.—О праздникѣ въ честь полога Богоматери патріархъ Іеремія въ окружной грамотѣ своей говоритъ: „на второй день (назавтріс) праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы, и приносятъ въ этотъ день *семидаліонъ*, муку печеную (въ другихъ актахъ: *пирогъ*. „Ак. З. Р. Т. 4, стр. 44), что есть великое нечестіе, потому что пресвятая Дѣва родила, и паки неизречною пребыла Дѣвою. Это есть догматъ безбожныхъ еретиковъ, которые выдумали его къ униженію Пресвятыя Богородицы. Шестой вселенской соборъ въ правилѣ 70 возбранилъ его какъ беззаконіе.“ Означенное правило шестаго вселенскаго собора говоритъ: „отлученъ бываетъ, иже по Рождествѣ Христовѣ въ праздникъ святой Богородицы муку варить, или ино что творитъ, рекше рождества ради“ (сормч. стр. 141). Въ Малороссіи до сихъ поръ народъ въ этотъ день приноситъ въ храмъ хлѣбъ, пироги и др. предметы. Весь *приносъ*, по отпращиваніи надъ нимъ краткой общей панихиды, обращается въ доходъ причту. Въ юж. Россію перешелъ этотъ обычай изъ Молдавіи (*Ліѳос* albo *каміей*, сочиненіе Евсевія Пимина, напечатан. въ киевопеч. лаврѣ въ 1644 году; стр. 19 и 20). Съ нимъ явились въ храмахъ и домахъ иконы, представлявшія Богоматерь въ мукахъ рожденія и бабу, повивающую младенца Спасителя. Это представленіе внесено и въ *молитву бабъ пріемшей отроча*. (Господи Іисусе Христе Боже нашъ, рождейся прежде вѣкъ отъ Отца.... *бабою повитъ пеленами*.... Стратин. требникъ напечат. въ 1606 г., стр. 2).— Въ слѣдствіе того, что духовные учителя не заботились о распространеніи въ народѣ христіанскаго просвѣщенія, самые церковные обряды и обычаи въ его сознаніи получали особое значеніе, противное духу истинной вѣры. Такъ, напримѣръ, хлѣбу благословляемому вмѣстѣ съ др. снѣдками въ день Пасхи, народъ присвоивалъ силу прогонять чары, лѣчить лихорадку, которую онъ олицетворилъ въ образѣ женщины, дѣйствующей подъ вліяніемъ злыхъ духовъ.

(1) Еще митрополитъ Кипріанъ обличалъ „молитвы отряса-„вицахъ, говоря, что онѣ выдуманы на соблазнъ невѣждамъ“ (Ист. рус. ц. т. 5 стр. 98.) Въ уніятскомъ требникѣ 1795 г. остался чинъ *лѣченія бользнующихъ огневицею: сіе есть фиброю*. Онъ отпращиваемъ былъ съ особеннымъ благоговѣніемъ; имѣетъ возгласы и отвѣты: „горѣ имѣемъ сердца — и мамы ко Господу — достойно и

важнѣйшихъ, какъ напр. *пріобщеніе агіасмою* (1) Когда священники заботились не о полнотѣ и благолѣпіи богослуженія, а о скорѣйшемъ отправленіи обрядовъ, то при списываніи ихъ, довольствовались только существеннымъ въ обрядѣ, т. е. молитвами, эктеніями, тропарями, оставляя

праведно есть — во истину достойно и праведно....“ Есть апостоль и евангеліе (объ исцѣленіи тещи Симоновой). Чинъ сей повелѣвается совершать въ продолженіи 5 дней. Въ 1-й день дается больному въ снѣдь окрухъ хлѣба пшеничнаго, съ надписью: „Христосъ родися;“ во второй тоже, съ надписью: „Христосъ умре“; въ 3-й „Христосъ воскресе;“ въ 4-й „буди благословенъ Богъ на тебѣ;“ въ 5-й „Богу благодареніе.“ Въ томъ же требникѣ есть еще „чинъ благословенія дому противу огня,“ цѣль котораго какъ видно изъ содержанія молитвъ, сдѣлать домъ неприкосновеннымъ для огня во время пожаровъ, а сущность состоитъ въ заклинаніи огня именами Божиими: „Гель, Геліонъ, Сотыръ, Еммануиль, Саваоѡъ, Агіосъ“ и под. Эти чины суть плоды прежнихъ временъ Слѣд. Пам. кiev. ком. Т. III, грам. патріар. Іоакима, прав. 37 и 38.

(1) Чинъ *пріобщенія агіасмою* есть въ рукописномъ требникѣ, находящемся въ бібліотекѣ кievо-михайловскаго монастыря, подъ № 67, и въ требникѣ стрятинскомъ (стрят. треб. стр. 620—623); былъ онъ и въ печатныхъ московскихъ требникахъ (Сопик. ч. 5, стр. 229). Издревле въ православной церкви *пріобщеніе агіасмою*, т. е. богоявленскою водою, допускаемо было только для отлученныхъ отъ пріобщенія св. Таинъ и для кровоточивыхъ (Воскр. Чт. годъ 1-й, стр. 326), какъ увѣреніе въ томъ, что они не лишены совершенно общенія съ церковію и благодати св. Духа. Вообще же агіасма употребляема была и употребляется при различныхъ освященіяхъ и благословеніяхъ церковныхъ. Въ правилахъ, помѣщенныхъ при стрятинскомъ требникѣ, повелѣвается отлученныхъ отъ пріобщенія св. Таинъ пріобщать агіасмою — въ продолженіи года 7 разъ, именно: *на Рождество Христово, на Богоявленіе, въ великій четвертокъ, въ великую субботу, на Пасху, въ день св. ап. Петра и Павла и на Успеніе Пр. Богородицы.* Послѣ пріобщенія, въ продолженіи цѣлой седмицы, имъ разрѣшается ѣсть мяса, а монашествующимъ сыръ или рыбу. (Стрятин. треб. стр. 638). Изъ наказа митрополита Исаія Копинскаго видно, что *агіасмою* пріобщали еще тѣхъ изъ больныхъ, которые будучи близъ смерти, и немогши уже говорить, не исповѣдывались, и только разными знаками выражали желаніе пріобщиться св. Таинъ (Ак. З. Р. 4, № 232, прав. 16). Изъ содержанія сего обряда и отзывовъ о немъ нѣкоторыхъ современниковъ, видно, что въ тѣ времена давали ему значеніе гораздо большее, чѣмъ какое усвоилось употребленію *агіасмы* древнею церковною практикою.

памяти и случаю все прочее, какъ то: различныя внѣшнія принадлежности, положенія, дѣйствія, облаченія и под. Такіе списки ходили изъ рукъ въ руки, оставленное памяти неизвѣстно было для послѣдующихъ переписчиковъ, — и обряды лишились полноты, опредѣленности, нищали и входили въ рядъ обыкновенныхъ молитвъ и благословеній (¹). Не замедлили развиться и войти въ обрядность тѣ обычаи, о которыхъ тогда уже начинали спорить въ Велико-россіи, какъ то: *хожденіе посолонь*, *двуперстное знаменіе крестомъ*, *сугубая аллилуія* и пр., хотя о нихъ здѣсь и не спорили (²). Чего же ожидать послѣ этаго отъ смысла и частныхъ выраженій въ молитвахъ, эктеніяхъ, тропаряхъ и под. Понятія о нѣкоторыхъ обрядахъ и таинствахъ были искажены до крайности. Такъ, напр., существовало мнѣніе, что преложеніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Спасителя совершается на жертвенникѣ во время проскомидіи, и потому на большомъ выходѣ, при перенесеніи приготовленныхъ для евхаристіи веществъ на престолъ, предстоящіе преклонялись до земли, въ той увѣренности, что пере-

(¹) Нѣкоторые изъ такихъ обрядовъ явились въ печатныхъ требникахъ подъ заглавіемъ: „молитвы потребныя.“

(²) Пращица, стр. 64, 65. 246—247. Хожденіе посолонь воспрещено было на соборѣ кievскомъ 1640 г. (Треб. Петр. Мог. 1, стр. 546 на обор.) Замѣчательно, что все это существовало преимущественно въ тѣхъ книгахъ, которыя изданы въ Острогѣ и Вильнѣ, гдѣ всегда находили себѣ пріютъ московскіе путешественники и бѣглецы, напр., двуперстное знаменіе крестомъ въ грамматикѣ Лаврентія Зизанія, напечатанной въ Вильнѣ въ 1595 г., такъ же въ часословчѣхъ острожскихъ и требникахъ вилеискихъ (Пращица). Въ указанномъ нами выше рукописномъ требникѣ кievо-михайловскаго монастыря, въ извѣстной молитвѣ 'освященія воды въ день Бого-явленія, противъ словъ; „самъ нынѣ Владыко освати воду сію *Духомъ Твоимъ Святымъ*“ на полѣ стоитъ приписка позднѣйшей руки: „и огнемъ.“ Рукопись, по характеру своему, принадлежитъ 16-му вѣку.

носятся истинное Тѣло и истинная Кровь Христова (¹). Въ нѣкоторыхъ требникахъ въ чинѣ вѣчанія, когда подается жешиху и невѣстѣ простое вино, положено было: „вонмемъ; святая свитымъ; единъ святъ, единъ Господь... „таже іерей наливаетъ чашу вина и поставляетъ на свя- „тѣй трапезѣ“.... (²), — каковыми выраженіями, перенесенными сюда изъ чина литургіи и относящимися къ совершенію Евхаристіи, подаваемъ былъ поволѣ простому вину, употребляемому при вѣчаніи, усвоить значеніе, ему не принадлежащее. Порчу смысла въ требникахъ и другихъ богослужебныхъ книгахъ увеличивали грамматическія ошибки, общія всякому невѣжественному списыванію: часто въ спискахъ вмѣсто *a* стояло *жс*, вмѣсто *b* — *ш*, вмѣсто *то* *далъ* — *билъ* (³), вмѣсто напр. *узы* окованныхъ *разръшивый* — *уды* окованныхъ *раздуши* (⁴), и т. под. Ко всѣмъ вышесказаннымъ недостаткамъ въ обрядности церковной присоединялись: небрежное совершеніе требъ и отправленіе обрядовъ, бѣдная одежды, ветхіе, деревянные или оловянные сосуды и кресты, недостатокъ нужнѣйшихъ въ богослуженіи вещей и вообще крайняя нищета храмовъ.

Среди такихъ обстоятельствъ не трудно было явиться въ русской обрядности и *римскимъ нововведеніямъ*. Съ самой первой встрѣчи православія съ католицизмомъ въ предѣлахъ польскаго королевства, вѣшность перваго, стѣсняемая и угнѣтаемая, стала уступать вѣшности послѣдняго,

(¹) Преклоненіе до земли на большомъ выходѣ обличено было патр. Іеремією, во время посѣщенія имъ южно-русской церкви, и отмѣнено на соборѣ кievскомъ 1640 г. (*Аѳосъ* albo *каміеѣ*, pag. 51).

(²) Рукописный требникъ, находящійся въ бібліотекѣ кievо-михайловскаго монастыря, въ чинѣ вѣчанія.

(³) Предисловіе къ требнику, изданному въ Львовѣ въ 1645 г. епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ.

(⁴) Рукописный требникъ кievо-михайловскаго монастыря въ чинѣ погребенія.

церемониальной, пышной, господствовавшей въ государствѣ. По мѣрѣ того, какъ нищала и искажаема была обрядность православная, торжественнѣе казалась обрядность римская. Что могло сказать о послѣдней православною простолюдые, непонимавшее ни происхожденія, ни смысла и важности обрядовъ своей церкви, не сильное отвергнуть обрядовъ, чуждыхъ ему! Римскія процессіи и обряды влекли народъ въ костѣлы, на площади,— всюду, гдѣ были они отправляемы. Привлекающая наружная постановка ихъ овладѣвала чувствомъ и воображеніемъ, душа свыкалась съ ними. Вотъ первое вліяніе обрядности римской на обрядность православно-русской церкви! Но православные и паписты были членами одного государства; между ними явились внутреннія отношенія — браки, дружба и под., при чемъ непрерывна была взаимная мѣна сердечныхъ расположеній, убѣжденій, повѣрій и проч. Царство, по своему положенію, почти всюду господствовало; путемъ то споровъ, то объясненій, то рассказовъ, народныхъ повѣрій, пословицъ (1) духъ его приражался къ жизни православныхъ, и въ душѣ послѣднихъ незамѣтно, безъ ихъ сознанія, раждалъ свойственныя ему расположенія и мнѣнія. — Далѣе, съ половины 16 вѣка, езуиты наводняютъ Польшу, принявъ въ свое вѣденіе все образованіе, всѣ школы, и возымѣвъ вліяніе на всѣ слои общества католическаго, на всѣ государственныя интересы, быстро развиваютъ давніе планы

(1) Какъ иногда римскія вѣрованія входили въ православную народную жизнь путемъ суевѣрныхъ рассказовъ, см. Записки „Южн. Рос. Кулиша. Т. I, стр. 303—311, „странствованіе по тому свѣту.“ Сущестующая у народа малороссійскаго пословица: „*товчеця якъ Марко по некли*“ — есть буквальный переводъ польской пословицы: „*Wykręci się, jak Marek w piekle,*“ которая, по сознанію многихъ папистовъ, принесена была въ Польшу съ флорентинскаго собора, и составлена для осмѣянія Марка ефесскаго, съ такою твердостью возстававшего противъ ухищреній католиковъ.

Рима о подчиненіи православной церкви папству. Первоначальнымъ и однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ служили для нихъ пасквили на разные обычаи и молитвы южно-русской церкви, — пародіи, выражавшія истину церкви въ формахъ простонароднаго грубаго представленія, въ выраженіяхъ кощунственныхъ, даже богохульных (1). Эти сочиненія свои они выдавали за произведения восточной, въ особенности южно-русской церкви, — выдержки изъ ея богослужебныхъ книгъ, и всюду, поэтому, клеймили ее названіями *схизматической, мужицкой, холопской*. Списки сихъ пасквидей тысячами ходили по рукамъ, читались въ обществахъ. Сомнѣвавшимся въ подлогъ ихъ указывали на дѣйствительно печальный видъ южно-русской церкви, небрежность и невѣжество духовенства, грубость народа. Не диво, послѣ этого, что высшее русское дворянство, еще до появленія униі, большею частію перешло въ католичество. Образование могло бы, конечно, оградить православныхъ отъ всѣхъ подобныхъ вліяній римской религиозной жизни; но много ли могли сдѣлать для нихъ русскія школы, существовавшія при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ усердіемъ только причтовъ и ограниченныя преподаваніемъ самыхъ нервыхъ пачатковъ ученія?

(1) Чтобы понять безграничную наглость езуитовъ въ этомъ дѣлѣ, довольно прочесть хотя одно изъ такихъ произведеній. Укажемъ здѣсь на мнимое письмо къ Апост. Петру, которое будто русскіе священники влагали тогда въ руки умершаго (пародія, очевидно, направлена противъ разрѣшительной молитвы), и начинающееся такъ: „Макарій, Божіею милостію архіепископъ кievскій, смоленскій, новгородскій, галицкій и всея Россіи и проч. Доброму брату и пріятелю нашему, ключарю райскихъ воротъ св. Петру. Извѣщаемъ тебя, господинъ, что недавно рабъ Божій Ярмуда Златовпчъ, мѣщанинъ и богатый купецъ виленскій представился отъ нашего свѣта къ вамъ, и желаетъ Господу Богу представиться и Ему челомъ у-дарить; онъ былъ добрый человекъ, роскоши не зналъ...“ и проч. Dzieje kościoła Helweckiego... przez Łukaszewicza. T. I, pag. 88, въ примѣчаніи.

(¹) Могли ль онѣ, по своимъ программамъ, стать въ рядъ съ академіею краковскою, семинаріею ольмюцкою, съ школами *societatis Peregrinantium* и училищами езуитскими? Православное юношество, влекомо было къ послѣднимъ сколько внутреннею потребностію образованія, столько и гражданскою необходимостію. Но здѣсь учили ихъ не православію: впечатлѣнія, полученныя простою душою въ семействѣ и обществѣ, развивались въ научныя мнѣнія, убѣжденія, и православные юноши выходили иногда въ свѣтъ—одни истыми папистами, другіе съ римскими мнѣніями и обычаями (²). Эти лица занимали потомъ іерархическія степени въ православной церкви... Если присовокупимъ къ этому, что при всѣхъ указанныхъ случаяхъ,—при посѣщеніи богослуженій и процессій римскихъ, при семейныхъ и гражданскихъ связяхъ, при воспитаніи юношества, при замѣщеніи іерархическихъ должностей, — нарочито присутствовало и управляло стремленіе Рима къ подчиненію русской церкви папству; то какъ могла русская церковь соблюсти себя чистою отъ римскихъ особенностей? Такъ входили римскія убѣжденія и обычаи въ жизнь православнаго русскаго народа! Скоро явились они и въ богослужебныхъ книгахъ православныхъ. Совѣты папскаго легата, езуита Антонія Поссевина — передѣлывать славянскія богослужебныя книги по римскому духу, вносить въ нихъ римскія мнѣнія, исключать изъ нихъ все, что относится къ невыгодѣ латинства, и въ такомъ видѣ раздавать ихъ русскому духовенству, жертвовать въ храмы (³)—извѣстны были папскимъ агентамъ за долго до Поссевина. Еще съ 1248 года въ Далмаціи, Иллیرіи и другихъ славян-

(¹) Ист. Рус. ц. Т. 3, стр. 69—71.

(²) Ист. Р. ц. Т. 3, стр. 87.

(³) *Supplem. ad Hist. Russ. monom.* pag. 39—40.

скихъ странахъ стали появляться на славянскомъ языкѣ римскіе служебники, ритуалы, бревіаріи и другія богослужебныя книги (¹). Впоследствии въ Римѣ, послѣ спора съ приверженцами латинскаго языка, было рѣшено: издавать на общеславянскомъ языкѣ, „на которомъ и русскіе совершаютъ свое богослуженіе,“ богослужебныя книги, и разсылать ихъ въ различныя славянскія страны. Типографіи Рима и Венеціи дѣятельно исполняли это опредѣленіе, и во множествѣ выдавали служебники, бревіаріи и требники въ Иллирію, Далмацію, Боснію и Валахію (²). Такимъ образомъ, въ богослужебныхъ книгахъ русскихъ, особенно въ требникахъ, авились римскія обычаи и мнѣнія. Мы исчислимъ здѣсь только тѣ изъ сихъ обычаевъ и мнѣній, которые были общи всѣмъ русскимъ областямъ. Таковы: *обливаніе* въ таинствѣ крещенія, *употребленіе звонка* при шествіи съ св. дарами къ больнымъ и на преждеосвященной литургіи, *шествіе причта* при погребеніи умершаго *позади гроба*: кромѣ сего были въ ходу и принимались какъ догматы, мнѣнія *о чистилищѣ, объ эпитиміи, какъ наказаніи и удовлетвореніи за грѣхи, о таинствѣ Елѣосвященія, какъ о напутствіи умирающаго, о времени присушествленія даровъ изъ Тѣло и Кровь Спасателя, о пресушествленіи частицъ, располагаемыхъ на дискось вокругъ агнца*. Последнее мнѣніе соотвѣтствовало обычаю римской церкви освящать малые опрѣсноки, для приобщенія ими народа,

(¹) Glagolitica—Добровскаго, pag. 9.

(²) Assenati Calendaria Ecclesiae universae. T. IV, pag. 412—416. При служебникъ-хъ и бревіаріяхъ печатался вначалѣ и требникъ. Изъ такихъ рукописныхъ изданій извѣстны три служебника: 1387, 1435 и 1402 г. (ibidem, pag. 423—425); печатанныя до 1600 года: служебники венеціанскій 1528 г. и флорентинскій 1531 г. (pag. 425). Бревіарій безъ требника въ первый разъ напечатанъ въ 1561 г. Николаемъ Брозиномъ (ibidem).

вѣствѣ съ большимъ, приготовляемымъ собственно для священника (1).

И такъ, обрядность южнорусской церкви, еще до появленія уніи, была сильно повреждена, какъ съ вѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Вообще же все зданіе обрядности, по сознанію первыхъ исправителей ея, представляло „великое разногласіе церковныхъ дѣйствій“ (2). „Если еще продолжится сей порядокъ, говорили истинные „сыны православной церкви, то Богъ вѣсть, что законецъ „будетъ съ нами.“ (3) Унія, казалось для нихъ, была естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка.

Е. Крыжановскій.

ОБЪТЫ ТРЕЗВОСТИ.

Кто, хотяи столпъ создати, не прежде ли съдѣ разитетъ имъніе, аще имать, еже есть на совершеніе, да некогда положитъ основаніе и не возможетъ совершити, видящии начнутъ ругатися ему, глаголюще, яко сей чело-вѣкъ начитъ здати, и неможе совершити? Лук. 14, 28.

Одинъ изъ современныхъ, животрепещущихъ вопросовъ въ нашемъ отечествѣ,—это вопросъ о трезвости въ прос-

(1) Съ звонкомъ встрѣчаемся въ первый разъ 1531 г. Галичане стоятъ уже за него предъ папистами, какъ за обычай давній (Лѣт. Льв. бр. стр. 5). Впослѣдствіи онъ признанъ всюду необходимымъ (*Actus*, pag. 105). Шестіе причта, при погребеніи умершаго, позади гроба отыѣнено уже на соборѣ кievскомъ 1640 г. (Треб. Петр. Мог. 1646). Ученіе о чистилищѣ и эпитиміи, какъ удовлетвореніи за грѣхи было въ катихизисѣ Лаврентія Зизанія (Справ. Собесѣд. 1855 г. 3, 129—130). Прочія мнѣнія внесены въ первые печатные требники.

(2) Предисловіе къ Стратинскому требнику, въ Москвит. 1844. г.

(3) Кн. К. К. Острожскій, въ письмѣ къ Ипатію Поцею Ак. 3. Р. Т. 4, № 45.

томъ классѣ народа. Нѣтъ нужды говорить здѣсь о пользѣ трезвости для жизни семейной, общественной и даже государственной, — пользѣ, которая въ послѣдствіи могла бы съ избыткомъ вознаградить неизбѣжный при началѣ новаго порядка ущербъ въ составѣ государственныхъ доходовъ. Всякому понятно значеніе трезвости для человѣка, какъ существа нравственно — разумнаго. Пьянство унижаетъ христіанское общество, служить ему поношеніемъ и упрекомъ, есть великое безобразіе и язва народной жизни. Поэтому какъ всѣмъ отрадно было услышать, что наконецъ, благодареніе Богу, раздался и у насъ голосъ за трезвость, голосъ не частный, который доселѣ всегда былъ голосомъ вопіющимъ въ пустыни, а голосъ общественный! Все возстало противъ главныхъ дѣятелей въ умноженіи нетрезвости — откупщиковъ, затронуты производители горячаго вина и владѣльцы крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, пользующіеся правомъ торговать водкою въ собственныхъ имѣніяхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ лигтературѣ не мало брошено упрековъ и православному сельскому духовенству, которое будто равнодушно смотрѣло на господство пьянства въ простомъ народѣ. Насъ упрекнули въ бездѣйствіи и указали на примѣръ римско-католическаго духовенства въ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ рѣшительнымъ вліяніемъ его, при содѣйствіи церковныхъ клятвъ и угрозъ, во многихъ деревняхъ совсѣмъ прекращено употребленіе водки. — Упрекъ на первый разъ, пожалуй, былъ отчасти справедливъ; но защита общественнаго мнѣнія за правое дѣло признана, благословеніе святѣйшаго Синода на пастырское дѣйствованіе дано, и вотъ началась и у насъ открытая борьба служителей церкви православной съ грубымъ порокомъ сельскаго общества. И среди насъ являются дѣятели сильные и энергическіе, которые не страшатся ни откупщиковъ, ни властей,

изъ корыстныхъ видовъ покровительствовавшихъ развитію потребленія вина; цѣлые приходы даютъ зарокъ не пить водки, и нѣкоторое время твердо стоятъ въ своемъ обѣтѣ противъ всѣхъ искушеній и обольщеній. Раздаются въ журналахъ уже похвалы и православному духовенству, и этимъ оно поощряется еще къ большей дѣятельности.

Но, читая извѣстія о зарокахъ не пить водку, данныхъ цѣлыми обществами, слыша, что при этомъ употребляется нѣчто въ родѣ присяги, какъ то: цѣлованіе св. креста и евангелія, естественно спросить: что же потомъ? Всегда ли приходы устоятъ въ этомъ обѣтѣ? Навѣки ли вѣковъ водка будетъ изгнана изъ низшаго общества? Всегда ли наши поселяне будутъ довольствоваться одною водою, тогда какъ въ прочихъ сословіяхъ, среднемъ и высшемъ, продолжаютъ по прежнему употреблять всякіе, легкіе и крѣпкіе напитки и даже эту окаянную, преданную проклятію, водку? Вопросы эти, кажется, еще не были у насъ подняты, а между тѣмъ ихъ слѣдовало бы рѣшить, если мы хлопчемъ о чемъ либо примѣнимъ къ дѣйствительной жизни, а не гоцаемся за химерою, преслѣдуя ее во имя нравственнаго начала. Тогда откроется и вѣрный путь, которымъ мы должны слѣдовать, искореняя пьянство и вводя трезвость.

Каковы мѣры, принятыя нами для распространенія трезвости? Это легко разрѣшить, если обратимъ вниманіе на то, кѣмъ первоначально онѣ заявлены; ибо къ этому дѣлу весьма можно примѣнить извѣстное изреченіе: „скажи мнѣ, кто твои друзья, — и я скажу, кто ты таковъ“. Мы сказали уже, что въ распространеніи трезвости первый, такъ сказать, толчекъ данъ намъ въ примѣрѣ католическаго духовенства, которое всегда отличалось преувеличеніемъ дѣла, крайностію въ мѣрахъ, неразборчивостію въ сред-

ствахъ, когда нужно было достигнуть известной цѣли, часто безъ нужды связывало совѣсть, запугивало клятвами, угрожало потерю вѣчнаго спасенія. Такъ оно поступило и при учрежденіи обществъ трезвости. Оно употребило всевозможныя угрозы, и, пользуясь первымъ дѣйствіемъ страха на простодушныхъ поселянъ, взяло съ цѣлыхъ обществъ зарокъ не пить вовсе водки, не разбирая, кому онъ нуженъ и кому нѣтъ, кто можетъ устоять въ немъ и кто-нѣтъ; мало этого: оно всѣхъ оковало присягою; оно вовсе не подумало о томъ, сколько въ обществѣ лицъ слабыхъ волею, которыхъ не удержитъ и важность присяги при видѣ оболъщений; оно не разсудило, что и въ гражданскихъ дѣлахъ къ присягѣ не всѣ допускаются какъ по важности самой присяги, такъ и по не одинаковому нравственному развитію членовъ общества; оно не обратило вниманія на то, сколько можетъ быть случаевъ паденія, а чрезъ то клятвопреступленій, которыхъ вина первѣе всего должна пасть на безрасудно обязавшихъ народъ клятвою; оно, преслѣдуя только цѣль, не обратило должнаго вниманія на конецъ своихъ дѣйствій.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ мы должны заботиться?—О введеніи трезвости. Что нужно ввести въ обычай народа?—Трезвость. Что искоренить?—Пьянство. Что же такое трезвость, и что такое пьянство? Трезвость, о которой у насъ идетъ дѣло, есть такое состояніе человѣка, когда онъ пользуется свободнымъ отправленіемъ умственныхъ и физическихъ способностей, не допуская въ себѣ преобладанія надъ нервною системою охмѣляющихъ ее напитковъ, и именно—спиртуозныхъ. И такъ трезвость исключаетъ *неумѣренное употребленіе* какъ водки, такъ и всякихъ другихъ охмѣляющихъ напитковъ; трезвость не допускаетъ пьянства. Чтоже такое пьянство? Пьянство мы опредѣляемъ — состоя-

нiемъ челоѡѡка, когда подѡ влiянiемъ охмѡляющихъ напитковъ, ослабляется въ немъ болѡе или менѡе сознательная дѡятельность, и вмѡстѡ съ тѡмъ теряется правильное отправленiе умственныхъ и физическихъ способностей; въ особенномъ смыслѡ пьянство есть страсть, побуждающая челоѡѡка къ немѡрному, постоянному или перiодическому, употребленiю хмѡльныхъ напитковъ, и вмѡстѡ съ тѡмъ погубляющая его здоровье и благосостоянiе. И такъ, что вредитъ благосостоянiю и нравственности народа—употребленiе водки, или ея злоупотребленiе? Конечно, вредитъ злоупотребленiе водки, или что тоже пьянство. Слѡдовательно пастыри церкви должны преслѡдовать лишь пьянство въ томъ или другомъ видѡ, и для каждаго вида пьянства употреблять соответствующiя средства. Пьянство, какъ страсть, весьма трудно излѡчима; она можетъ быть остановлена только совершеннымъ отреченiемъ отъ употребленiя охмѡляющихъ веществъ. Потому въ отношенiи къ лицамъ, зараженнымъ страстию пьянства, весьма умѡстенъ зарокъ, обѡтъ, даже можно принять и клятву, но клятва можетъ быть принята только послѡ испытанiя въ продолженiи извѡстнаго времени, по здоровомъ обсужденiи силъ лица, дающаго клятву, и по укрѡпленiи молитвою. Ибо кто бы ни далъ клятву, сильный или безсильный, если клятва нарушена, она всею своею тяжестию падаетъ на клятвопреступника (1). А между тѡмъ клятва, присяга въ обѡтѡ трезвости опаснѡе, чѡмъ во всякомъ другомъ случаѡ; ибо чѡмъ обольстительнѡе искушенiе, тѡмъ возможнѡе злоупотребленiе клятвою. Къ счастью, лицъ, зараженныхъ страстию пьянства и въ простомъ народѡ не много; ихъ отношенiе къ числу лицъ, свободныхъ отъ

(1) Къ сожалѡнiю, въ газетахъ записано уже нѡскольکو случаевъ нарушенiя обѡтовъ трезвости, данныхъ поселянами отъ цѡлаго общества болѡе или менѡе торжественно.

этой страсти, можно опредѣлить отношеніемъ 1 къ 200. Гораздо значительнѣе число *напивающихся*, находящихся жалкое удовольствіе въ томъ, чтобы охмѣлить себя на нѣсколько часовъ, не теряя впрочемъ возможности скорѣе возвращаться въ сознательно—здоровое состояніе. Противъ сбыкновеннаго пьянства, по нашему убѣжденію, со стороны пастырей умѣстны только увѣщанія (1), частныя и общія, въ которыхъ со всею силою высказаны были бы вредъ пьянства, униженіе въ немъ человѣческой природы и несообразность его съ христіанскою жизнію. Цѣль этихъ увѣщаній — чрезмѣрное, не благоразумное и вредное употребленіе вина горячаго ввести въ должныя границы, въ которыхъ бы оно не нарушало правильнаго отравленія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка. Такого рода пастырскія увѣщанія всегда благовременны, какъ скоро покажутся къ тому поводы со стороны самихъ прихожанъ; но лучшимъ временемъ для нихъ мы признаемъ постъ, а удобнѣйшимъ къ тому случаемъ—исповѣдь. Въ особенности весьма важна здѣсь задача для духовника внушать, что пьянство есть *грѣхъ*; ибо въ низшемъ классѣ народа слишкомъ мало развито еще сознаніе того, что пьянство есть грѣхъ предъ Богомъ; отъ чего на исповѣди рѣдко кто сознается въ пьянствѣ, если не будетъ спрошенъ самимъ священникомъ. Въ видѣ епитиміи для слабыхъ и невоздержныхъ можно допустить и совершенное запрещеніе вина на извѣстное время, для испытанія и укрѣпленія человѣка въ обѣтъ трезвости, или въ наказаніе за допущенное невоздержаніе и для изглаженія печальныхъ его послѣдствій. Но зарокъ безусловный отъ цѣлаго общества, но

(1) Таковъ смыслъ указа св. Синода отъ 7-го августа, 1859 года, которымъ онъ благословилъ священнослужителей прижѣмъ собственной жизни и частымъ проповѣданіемъ въ церкви о пользѣ воздержанія содѣйствовать къ искорененію пьянства.

запрещеніе употреблять водку, возлагаемое съ клятвою на весь приходъ, безъ различія виновнаго и не виновнаго въ злоупотребленіи виномъ, кажутся намъ мѣрою крайнею неблагоразумною и мало сообразною съ понятіемъ трезвости.

На этомъ основаніи нельзя вполне согласиться съ тѣми, которыми приняты торжественные и безусловные обѣты не пить водки, данные въ церквахъ отъ цѣлыхъ обществъ сельскихъ. Вполнѣ отдавая честь ревности многихъ православныхъ священниковъ въ удержаніи народа отъ пьянства, можно однакожь сказать о нѣкоторыхъ, что они *имѣютъ ревность Божію, но не по разуму* (Рим. 10, 2), и именно это тѣ изъ нихъ, которые за образецъ себѣ поставили дѣйствія римско-католическихъ священниковъ въ Литвѣ, описанныя въ газетахъ минувшаго года.

Намъ скажутъ, что въ нашемъ простомъ народѣ до того развилось и укоренилось пьянство, что на первый разъ необходимы мѣры сѣльныя и рѣшительныя, чтобы удержать широкій потокъ зла, и что этой цѣли всего болѣе могутъ содѣйствовать обѣты, произносимые цѣлыми обществами. Но какого рода эта мѣра, и къ чему она ведетъ, мы уже сказали. Прибавимъ здѣсь еще то, что цѣль не оправдываетъ средства и что средство, которое приноситъ пользу въ одномъ отношеніи, а вредитъ въ другомъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ, не можетъ быть названо полезнымъ. „Цѣль оправдываетъ средства“—это правило послѣдователей *Дойюлы*.

Св. П. Л-въ.